

Серия «Особый ребенок»
Основана в 1999 г.

Темпл Грэдин,
Маргарет М. Скарриано

ОТВОРЯЯ ДВЕРИ
НАДЕЖДЫ
Мой опыт
преодоления аутизма

*Перевод с английского
Н. Л. Холмогоровой*

Москва
Центр лечебной педагогики
1999

ББК 74.3
Г91
УДК 615.851

- Г91 **Грэндин Т., Скарриано М. М.**
Отворяя двери надежды. Мой опыт преодоления аутизма / Пер. с англ. Н. Л. Холмогоровой. — М.: Центр лечебной педагогики, 1999. — 228 с. — (Особый ребенок).

ISBN 5-88707-010-2

Этой книгой открывается новая серия «Особый ребенок», посвященная детям с проблемами психического развития и/или социальной адаптации. Первая книга серии представляет собой перевод уникальных воспоминаний Темпл Грэндин — женщины, сумевшей преодолеть аутизм и реализовать свой творческий и общественный потенциал. Книга, изданная первоначально по-английски (помощь в ее написании оказала литератор Маргарет М. Скарриано), была впоследствии переведена на датский, исландский, немецкий, шведский, японский языки. Теперь с ней может познакомиться и русскоязычный читатель. В издание включена сопроводительная статья сотрудников Центра лечебной педагогики (Москва). Издание предназначено для специалистов, родителей и всех, кто интересуется «проблемными» детьми.

УДК 615.851
ББК 74.3

*Моей семье,
с любовью*

Издание осуществлено в рамках проекта «Развитие лечебной педагогики в России», финансируемого Дяконической службой Евангелической церкви Германии.

© Arena Press, 1986
© Центр лечебной педагогики, 1999

ISBN 5-88707-010-2

ГЛАВА I

ДЕТСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Помню тот день, когда я чуть было не убила маму и сестренку Джин.

...Мама садится за руль и, повернувшись ко мне, говорит:

— Вот твоя шляпка, Темпл. Ты ведь хочешь быть красивой на занятиях?

С этими словами она надвигает голубую плисовую шляпку мне на уши и включает мотор. Машина трогается с места.

Шляпка сдавливает голову. Завязки немилосердно режут под подбородком. Уши как будто слиплись в одно большое ухо. Я срываю шляпу и громко визжу. Крик для меня — единственный способ выразить недовольство. Я не хочу носить шляпу! В ней неудобно! Она давит мне на голову! Я ее ненавижу! Ни за что не пойду в «речевую школу» в шляпе!

Остановившись у светофора, мама оборачивается ко мне.

— Ну-ка надень шляпку! — приказывает она и выезжает на шоссе.

Ненавистная шляпа лежит у меня на коленях; я тру ее пальцами, стараясь стереть ворс. Затем, немелодично мыча, принимаюсь комкать ее в руках. Вскоре шляпа превращается в бесформенный мохнатый ком. «Куда бы ее деть? — думаю я. — Выброшу в окошко! Мама ничего не заметит. Она ведет машину и не смотрит по сторонам».

Однако мне немногим более трех лет, и открывать окна в машине я еще не умею. Жаркая, кусачая шляпа лежит у меня на коленях. Мне кажется, она притаилась и чего-то ждет. Я импульсивно наклоняюсь вперед и швыряю ее в открытое окно с маминей стороны.

Мама кричит. Я затыкаю уши, чтобы не слышать невыносимо громкого звука. Инстинктивно она ловит шляпку, выпуская при этом руль; машину заносит, и мы вылетаем на соседнюю полосу. Вопит на заднем сиденье Джин. Я вжимаюсь в кресло и наслаждаюсь этой бешеной каруселью.

И сегодня я отчетливо помню кусты, растущие на обочине. Стоит закрыть глаза — и я вновь ощущаю душный жар того летнего дня и запах выхлопных газов. И вижу красный трейлер, мчащийся нам навстречу.

Мама отчаянно крутит руль — но уже слишком поздно! Слышится жуткий металлический скрежет, и меня отбрасывает вбок — мы врезались в трейлер.

На меня сыплются осколки стекла

— Лед! Лед! Лед! — кричу я в восторге. Мне совсем не страшно; для меня эта авария — захватывающее приключение.

В боку машины — огромная вмятина. Просто чудо, что все мы остались живы. А я четко и членораздельно выговорила слово «лед» — и это, пожалуй, не меньшее чудо.

Одна из основных проблем аутичного ребенка — трудности с речью. Я понимала почти все, что говорили вокруг, но не могла ответить. Как ни старалась, получалось очень редко. Какой-то внутренний барьер не давал мне заговорить. Однако порой я отчетливо произносила короткие слова вроде «лед». Чаще всего это происходило в стрессовой ситуации, вроде той дорожной аварии, когда стресс помогал мне преодолевать барьер.

Такая «избирательная» речь, наряду с другими непонятными и шокирующими странностями в поведении, зачастую ставит в тупик взрослых, имеющих дело с аутичным ребенком. Люди вокруг не понимали, почему я то говорю, то нет. Может быть, недостаточно стараюсь или просто капризничаю? Тогда надо быть со мной поостроже!

Не умея нормально общаться с окружающими, я уходила в свой внутренний мир. Может быть, именно поэтому мои детские воспоминания отличаются такой живостью. Словно старая киноплёнка, они вновь и вновь прокручиваются в мозгу.

Когда я родилась, маме было всего девятнадцать. Я была у нее первым ребенком. Она рассказывала, что в первые месяцы я казалась нормальной здоровой девочкой. Густые каштановые волосы, большие голубые глаза и ямочка на подбородке. Тихая, послушная малышка по имени Темпл.

Порой мне мучительно хочется вспомнить те первые дни и недели жизни. Чувствовала ли я, как соскальзываю в бездну одиночества? Как воспринимала я неправильные — то слишком громкие, то искаженные — сигналы от пяти органов чувств? Когда впервые ощутила, что отрезана от мира? В какой момент повреждение мозга, полученное еще до рождения, начало влиять на мою жизнь?

Когда мне было полгода, мама заметила, что я перестала ласкаться к ней и вся застываю, если она берет меня на руки. Еще через несколько месяцев, когда она попыталась меня обнять, я набросилась на нее, словно пойманный зверек, и оцарапала ей руку. По словам мамы, она не могла понять, почему я смотрю на нее, как на врага. Ведь другие дети в моем возрасте спокойно сидят на руках, лепечут и ластятся к матерям. Что она делает не так?

Однако мама была молода и неопытна, и сама это понимала. Мой аутизм ее пугал; она не знала, как общаться с ребенком, который, как ей казалось, отвергает ее любовь. Но она смирилась с этим, сочтя, что мое поведение не выходит за рамки обычного. В конце концов, я редко болела, хорошо двигалась, была сообразительной и понятливой. Поскольку я была первым ребенком, мама, возможно, думала, что такое поведение нормально: я просто расту и учусь самостоятельности.

В последующие несколько лет отказ от соприкосновения с окружающими, столь обычный для аутичного ребенка, дополнился другими типичными признаками: пристрастием к вращающимся предметам, стремлением к одиночеству, разрушительным поведением, вспышками гнева, неспособностью говорить, кажущейся глухотой, обостренной чувствительностью к внезапным звукам и жгучим интересом к запахам.

Со мной было немало хлопот. Я разрисовывала стены — и не один-два раза, а всегда, когда ко мне в руки попадал карандаш или мелок. Помню, однажды я решила помочиться на ковер, и мама застала меня прямо за этим занятием. Когда мне в следующий раз захотелось по-маленькому, я просунула себе между ног длинную занавеску. Занавеска

быстро высохнет, думала я, и мама ничего не узнает. Обычно дети лепят из глины; я же использовала для этой цели собственные испражнения и раскладывала свои «творения» по всей комнате. Я жевала кусочки картонных головоломок и выплевывала бесформенную бумажную массу на пол. Стоило мне разозлиться (а такое случалось часто), я хватала и швыряла все, что попадет под руку, — от дорогой старинной вазы до тех же фекалий. Я постоянно кричала, бурно реагировала на шум — и в то же время зачастую, казалось, вовсе ничего не слышала.

Короче говоря, я была совсем не похожа на соседских детей. Мои младшие брат и обе сестры тоже не позволяли себе ничего подобного.

В три года мама повела меня на проверку к неврологу. Электроэнцефалограмма и слуховые тесты не показали отклонений. При проверке по тесту Римланда, где +20 очков означают классический аутизм (синдром Каннера), я набрала +9. (Лишь около 10% детей, считающихся аутичными, в точности подходят под описание синдрома Каннера; это связано с тем, что аутизм по Каннеру несколько отличается от других типов аутизма.) Поведение мое было несомненно аутичным, однако обнаруженные зачатки речи снизили показатели по шкале Римланда почти наполовину: к трем с половиной годам у меня появился младенческий, нечленораздельный, но уже явно осмысленный лепет.

Разумеется, аутизм, независимо от его разновидности и степени, тягостен как для ребенка, так и для родителей. После проверки врач сказал, что органических нарушений у меня нет, а для развития коммуникативных способностей посоветовал обратиться к специалисту по развитию речи.

В то время речь была для меня дорогой с одно-

сторонним движением. Я понимала окружающих, но отвечать им не могла. Единственным средством общения были для меня крик и бурная жестикуляция.

О миссис Рейнольдс, которая занималась со мной развитием речи, я до сих пор вспоминаю с теплым чувством, несмотря даже на ее указку. Указка была длинная, с острым концом и выглядела весьма угрожающе. Дома мне строго-настрого запрещали тыкать в людей острыми предметами — ведь так можно выколоть глаз! А миссис Рейнольдс направляла указку прямо мне в лицо, и я в ужасе вжималась в кресло. Кажется, она так и не поняла моего страха перед этой палкой. А я не могла объяснить, чего боюсь.

Однако, несмотря на эти неприятные переживания, занятия с миссис Рейнольдс очень мне помогли. Именно у нее в кабинете я впервые ответила на телефонный звонок. Случилось это так. Миссис Рейнольдс на минутку вышла из кабинета, и тут зазвонил телефон. Никто не снимал трубку. Телефон звонил, звонил, звонил — и наконец этот громкий раздражающий звук помог мне преодолеть обычный барьер. Я подбежала к аппарату, сняла трубку и сказала: «Ал-ло!» Должно быть, даже первый звонок Александра Белла не вызвал у окружающих такого потрясения!

Мама рассказывала, что вначале мой словарь был очень ограничен. К тому же я глотала окончания — говорила, например, «мя» вместо «мяч». Разговаривала я отдельными короткими словами: «лед», «иди», «мое», «нет». Однако мама восхищалась моими успехами. Какой шаг вперед по сравнению с визгом, младенческим лепетом и нечленораздельным мычанием!

Но маму беспокоила не только отрывистая речь.

Я произносила слова монотонно, невыразительно, без всякого намека на ритм. Одно это резко отличало меня от других детей. Кроме того, я не умела смотреть людям в глаза (и научилась этому, только став взрослой). Помню, как мама вновь и вновь говорила мне: «Темпл, ты меня слушаешь? Взгляни на меня!» А я и хотела бы выполнить ее просьбу, но не могла. Ускользающий взгляд — также характерный симптом, часто встречающийся при аутизме. Имелись у меня и другие ярко выраженные симптомы. Я почти не проявляла интереса к другим детям, предпочитая их компании собственный внутренний мир. Часами я сидела на пляже, пересыпая между пальцами песок и делая из него холмики. Каждую песчинку я изучала вдоль и поперек, словно ученый с микроскопом. Я могла часами разглядывать линии у себя на ладонях и водить по ним пальцем, словно по дорогам на карте.

Другим любимым занятием было для меня вращение. Я садилась на пол и начинала кружиться. Стены и потолок кружились вместе со мной, и я казалась себе могучей владычицей мира: ведь стоило мне захотеть — и вся комната начинала ходить ходуном! Порой я шла во двор и крутилась на веревочных качелях, как на карусели. Земля и небо вертелись вокруг меня, и я была счастлива. Конечно, обычные дети тоже любят качаться на качелях, но только аутичные способны часами наслаждаться самим процессом вращения.

Во внутреннем ухе у человека расположен механизм, согласующий информацию, поступающую от зрительных и вестибулярных рецепторов. При долгом вращении информация от вестибулярного аппарата поступает в мозг. В результате человек ощущает тошноту и глазные яблоки у него начинают

подергиваться — это явление называется нистагмом. Когда обнаруживается нистагм, ребенок слезает с качелей или перестает вертеться волчком. У аутичных же детей нистагм зачастую выражен слабо. Возможно, их организму вращение требуется как фактор, своеобразно корректирующий незрелость нервной системы.

...Я вертелась сама и крутила на полу монетки, крышечки от бутылок — все, что подходило для этой цели. Всецело поглощенная вращением монеты, я не видела и не слышала ничего происходившего даже в двух шагах от меня. Люди вокруг превращались в бесплотные призраки. Ни один звук не проникал сквозь броню сосредоточенности. Я как будто на время глохла, и даже внезапный громкий шум не мог вывести меня из моего мира.

Однако, вернувшись в мир людей, я становилась необыкновенно чувствительна к звукам. Каждое лето мы отправлялись на дачу в Нантакет. Сорок пять минут приходилось плыть на пароме. Эту часть путешествия я ненавидела! То, что казалось маме, брату и сестрам необычайным и захватывающим приключением, для меня превращалось в кошмар, полный душераздирающего воя и рева.

Мама и гувернантка всегда выводили нас на палубу.

— Какой здесь чудесный свежий воздух! — восхищалась мама.

— И для здоровья полезно: щечки у ребятшек станут, как яблочки! — всегда добавляла гувернантка.

К несчастью, ради здорового воздуха и «щечек-яблочек» мы устраивались прямо под гудком. Его рев раздирал мне уши; я затыкала их, но это не помогало. Тогда я валилась ничком на палубу и виз-

жала во все горло.

— Бедняжка Темпл! Плохой из нее моряк! — говорила мама.

А гувернантка мисс Крей презрительно кривила губы при виде такой наивности. Она-то понимала, чем я недовольна.

Мисс Крей, сухопарая женщина с пучком седых волос на затылке, была типичной старой девой. Она всегда ходила в блузе, придававшей ей сходство с французским художником, а свой пучок закалывала булавками из китового уса — мне в то время казалось, что она втыкает булавки прямо себе в голову. Мисс Крей была женщиной строгой, но доброй, и умелой воспитательницей. Ко мне и сестре Джин она относилась одинаково. Она играла с нами, водила кататься на санках, играла на фортепиано военные марши, под которые мы весело маршировали по комнате. Но мисс Крей не одобряла «нежностей». Она прикасалась к нам в одном-единственном случае — когда хотела отшлепать.

Теперь, годы спустя, я понимаю, что мисс Крей чувствовала, насколько неприятны мне громкие звуки. Дело в том, что аутичного ребенка шум не только пугает, но и доставляет ему почти физическую боль.

Сущей пыткой были для меня праздничные вечеринки. Внезапно в доме появлялось множество людей; все они страшно шумели, а потом так же стремительно куда-то исчезали. И я защищалась единственно доступными мне способами: била других детей или швыряла через всю комнату любой предмет, оказавшийся под рукой, — будь то тарелка, стакан или пепельница.

Подобная избирательная чувствительность к внешним стимулам — повышенная к одним и пони-

женная к другим — достаточно обычна для аутичных детей. Современные исследования показывают, что такие дети могут не замечать громкого шума — и в то же время выходить из себя от шелеста целлофанового пакета. Возможно, эта избирательная чувствительность связана с тем, что аутичный ребенок не способен составить получаемые впечатления в целостную картину мира и выбрать, на какие стимулы реагировать.

Дебора Фейн и ее коллеги из Бостона выдвинули интересную гипотезу о причинах возникновения аутизма. «У животных „аутистическое“ поведение связано с недостатком внешних впечатлений, у людей же оно, возможно, вызывается неспособностью адекватно реагировать на стимулы. По-видимому, из-за рано возникающих нарушений восприятия аутичные дети в первые дни и недели жизни лишаются первичного перцептивного опыта, необходимого для последующего усвоения понятий о мире и овладения языком».

С этой концепцией легко увязываются более ранние исследования, показывающие, что аутичные люди неспособны правильно воспринимать несколько стимулов одновременно, а при воздействии сложного зрительно-звукового стимула могут воспринимать лишь какой-нибудь один его аспект. Сейчас я, дожидаясь самолета где-нибудь в переполненном аэропорту, способна «отключиться» от всех посторонних звуков и спокойно читать; однако, если приходится оттуда звонить, я не могу отвлечься от шума на заднем плане. Так происходит и с аутичными детьми. Им приходится выбирать между аутостимуляцией с помощью вращения или причинения себе боли — и бегством во внутренний мир, где всякие внешние стимулы для них перестают существовать

вообще. В противном случае они, потрясенные и напуганные множеством одновременных впечатлений, кричат, падают на пол, швыряют вещи — словом, «плохо себя ведут». Аутостимуляция помогает снять повышенное возбуждение центральной нервной системы.

Некоторые исследователи полагают, что у аутичных детей нервная система гиперактивная, тогда как у многих гиперактивных детей она замедленная. Аутичный ребенок вертится на одном месте, чтобы успокоиться; а гиперактивный ребенок бежит, прыгает и ни минуты не стоит спокойно, пытаясь таким образом стимулировать свою недостаточно возбужденную нервную систему.

Мисс Крей, наша гувернантка, заметила мою чувствительность к звукам. И тогда она стала использовать шум как наказание. Если за обедом я застыла и погружалась в мечтания, не донеся ложку до рта, мисс Крей говорила: «Ешь, Темпл. Сейчас же доедай суп, иначе я хлопну у тебя над головой бумажным пакетом!» На холодильнике она держала целую стопку бумажных кульков и, если я плохо себя вела или погружалась в свой внутренний мир, подносила бумагу мне к лицу и рвала с громким, невыносимым для меня треском. Такая чувствительность к шуму обычна и для аутичных взрослых. Даже сейчас, услышав звук автомобильного выхлопа, я подскакиваю на месте, и на мгновение меня охватывает ужас. Громкий немелодичный шум, как, например, рев мотоциклетного мотора, все еще воспринимается мною весьма болезненно.

В детстве впечатления внешнего мира часто оказывались для меня слишком возбуждающими. Любое изменение в распорядке дня, любое непредвиденное событие приводило меня в бешенство — что уж го-

ворить о праздниках, вроде Рождества или Дня Благодарения! В эти дни дом наполнялся родственниками. Шум множества голосов; симфония запахов — духи, сигары, шерстяные кепки и перчатки; люди, снующие взад-вперед, — одни медленно, другие быстро; то и дело кто-то подходит ко мне, заговаривает, пытается потрепать по голове или взять на руки... Короче говоря, для меня это было слишком. Одна добрая и очень-очень толстая тетушка давала мне рисовать своими настоящими масляными красками. Она мне нравилась. Но каждый раз, когда она пыталась меня обнять, я приходила в ужас. Казалось, огромная, приторно пахнущая гора разверзлась и хочет меня поглотить! Я кричала и вырывалась; моя нервная система не выдерживала тетушкиной нежности.

Хорошо ли, плохо ли, но так я прожила первые пять лет. Вот что записывала мама в дневнике, который вела все эти годы:

Устав или заскучав, Темпл начинает плевать. Еще она любит снимать с себя тапочки и швырять их во что-нибудь, хихикая при этом. Порой мне кажется, что она не в силах удержаться, а в другой раз — что она вполне сознательно провоцирует скандал. В течение дня Темпл становится все упрямей и со все большим трудом контролирует свое поведение. Например, она плюется, а затем вытирает слювок тряпкой, как будто понимает, что этого делать нельзя, но никак не может сдержаться. Часто она приносит мне карандаш и листок бумаги, чтобы я что-нибудь нарисовала. «Нарисуй сначала

ты», — отвечаю я. Если дело происходит утром, она слушается. Вечером же приходит в ярость и швыряет карандаш через всю комнату, а потом, плача, приговаривает: «Лома, лома!» (т. е. «сломался»). Она понимает, что если бросить карандаш, он сломается, но не может сопротивляться яростному порыву.

Мне кажется, Темпл очень разумна. В минуты раздражения она ведет себя странно, и тем страннее, чем сильнее устала или расстроилась. Однако она прекрасно сознает, что ее «номера» досаждают окружающим, и часто хулиганит, просто чтобы развлечься и обратить на себя внимание.

Милая моя девочка! «В хорошие минуты она замечательна, в дурные — просто ужасна!» Но моя Темпл даже в худшие дни остается живой и сообразительной. С ней мне всегда интересно и весело.

Мама заполнила диагностический вопросник для детей с нарушениями поведения. Черты, типичные для аутичного ребенка, хорошо представлены в ее ответах (см. Приложение I).

ШКОЛА-ИНТЕРНАТ

В январе 1960 года мама отвезла меня в новую школу. Из окна автомобиля я видела высокие сугробы по обеим сторонам дороги. Ледяной холод сжал мое сердце — холод страха и тревоги, и в следующий миг я выпалила несколько вопросов разом.

— А у меня будет своя комната? Ты говорила, там есть ферма с домашними животными. А лошади есть? Я смогу кататься верхом? И уезжать далеко-далеко? Что если мне там не понравится? А вредных мальчишек там не будет?

— Помедленнее, Темпл! — рассмеявшись, воскликнула мама. — Не могу же я отвечать на десять вопросов сразу! Школа «Горная страна» создана для одаренных детей — таких, как ты. Она стремится помочь детям раскрыть свой внутренний потенциал, развить их эмоционально и умственно и подготовить к получению высшего образования. Школа существует уже одиннадцать лет, и до сих пор большинство ее учеников добивались успеха в жизни.

— Успеха. Успеха. И я добьюсь успеха! — повто-

ряла я, как заведенная.

— Там ты встретишься с новыми друзьями.

— И с лошадьми!

— Да, с лошадьми и другими животными. Школа предлагает большую программу художественного и трудового воспитания, туризм и путешествия на каноэ. Музыка, основы сельского хозяйства, театр, балет, крикет, рыбная ловля, плавание, лыжи, коньки... Темпл, я уверена, тебе понравится в этой школе! Там есть все, что может тебя увлечь!

Я прижалась лбом к холодному стеклу. Ловить рыбу, ходить в походы, кататься верхом... Все эти удовольствия представляли передо мной в виде ярких картин, манили и притягивали к себе. Но одна ползучая мыслишка отравляла все удовольствие.

— А математика и французский там есть? — спросила я. Мне подумалось, что за таким количеством развлечений ни на математику, ни на французский просто не останется времени.

— Да, Темпл, в «Горной стране» есть и математика, и французский, и все прочие общеобразовательные предметы. Ты сможешь там и учиться, и развлекаться, и завести новых друзей.

Шины взвизгнули на крутом горном повороте — и вот перед нами, в уютном окружении сосен и кленов, выросло несколько больших зданий, какие-то хозяйственные постройки и традиционная для Новой Англии каменная ограда.

— Я вижу лошадей! — завопила я, прыгая на сиденьи от восторга.

Мы затормозили под указателем: «Школа „Горная страна“, 32 ученика, 1000 метров над уровнем моря». Не успела мама припарковаться перед самым большим зданием, как по ступенькам нам навстречу бежал какой-то человек.

— Добро пожаловать, миссис Грэндин, добро пожаловать! Я — Чарльз Питерз, директор школы «Горная страна». — Он улыбнулся мне. — А ты — Темпл, верно? — Открыв дверь, он помог маме выйти.

Я молча кивнула.

— Пойдем со мной. Я покажу тебе школу и расскажу, чем ты будешь у нас заниматься. Думаю, тебе здесь понравится, Темпл. У нас 1900 акров¹ земли — горы, долины, реки, озера... Есть где расти и развиваться на приволье.

В течение следующего часа он водил нас с мамой по школе, показывая не только классные комнаты, театр и библиотеку, но и сыроварню, конюшни и загоны для овец.

— Те, кто интересуются животными, могут работать у нас на сыроварне или в конюшнях и заботиться о своих любимцах, — рассказывал мистер Питерз. — Теперь пройдемте в мой кабинет, и я расскажу вам об условиях жизни, академических требованиях и целях, которые мы преследуем.

В кабинете, удобно устроившись в кресле, мистер Питерз начал свою речь.

— Основное внимание в школе «Горная страна» уделяется самоконтролю — основе дисциплины и уверенности в себе, необходимых во взрослой жизни. Мы поощряем учеников участвовать в общешкольной жизни. Это приучает их к индивидуальной и групповой ответственности, способствует преодолению негативных эмоций, а самое главное — позволяет уяснить, какими бывают последствия тех или иных собственных действий. Мы помогаем молодежи научиться дисциплине и освоить разум-

ные, творческие пути решения жизненных проблем.

Затем он указал, что в педагогической работе школы выделяются четыре момента. Во-первых, сотрудники стараются понять проблемы каждого ученика и ищут пути их преодоления. Во-вторых, большое внимание уделяется развитию навыков обучения. В-третьих, ежедневное общение с учителями и одноклассниками приучает ученика жить в обществе. Наконец, постоянное соревнование между учениками как в школе, так и за ее пределами помогает им наиболее полно раскрыть свои способности. Философия школы базируется на принципе уникальности каждого человека: у любого ученика есть возможность добиться успеха в тех занятиях, к которым он особенно расположен; его слабости также учитываются в школьной и внешкольной работе. Ученикам, которым недостаточно воздействия особым образом организованной среды, предоставляется дополнительная помощь психолога. Вдумчивый, индивидуальный подход к каждому ученику позволяет успешно решать проблемы самоконтроля, соблюдения ограничений и поддержания должной мотивации.

— Прежде чем ты станешь нашей ученицей, Темпл, мне хотелось бы знать, что ты думаешь о нашей школе. Готова ли ты стать частью нашей общины?

Такой вопрос удивил меня. Подчеркнутое «Да!» стало ответом мистеру Питерзу.

— Жить ты будешь в одном из наших «семейных» блоков. У тебя будут свои обязанности — но, конечно, и свои развлечения. — Он встал и протянул мне руку. Я притворилась, что не заметила ее. — Темпл, мы рады приветствовать тебя в нашей школе!

Мама вошла вместе со мной в «семейный» блок.

¹ Акр равен 4046,86 кв. м. — *Прим. перев.*

Там воспитательница (играющая в «семье» роль матери) показала мне мою комнату.

— Темпл, я уверена, тебе здесь понравится. У тебя все будет хорошо. — Мама стояла в дверях, готовая уйти. — Что ж, я пойду...

Не глядя на нее, я раскладывала свои трусы и носки по ящикам гардероба.

— Дорогая, без тебя наш дом станет тихим и пустым.

Я разглядывала лохматую бахрому гольф и терла ее между пальцами. Мне нравилось комкать в руках эту жесткую, ворсистую ткань.

— Я буду скучать по тебе, Темпл!

Мама быстро подошла и поцеловала меня в щеку. Мне до слез хотелось обнять ее, прижаться к ней, но как дать ей знать о своих желаниях? Я застыла, как столб, снова пойманная в ловушку аутизма. Тело мое жаждало нежного прикосновения, но я отдернула голову от маминого поцелуя, страшась даже такой, нежной любовной ласки.

Сидя на краешке кровати, я оглядывала комнату. Здесь было все, что может мне понадобиться: гардероб, стол, стул, лампа и кровать. Я достала из сумки рекламную брошюру школы «Горная страна» и перечитала ее. Брошюра, полная обещаний любви и понимания в сочетании со строгой дисциплиной, разнообразными занятиями, обучением, отдыхом, религиозным воспитанием, наблюдением терапевта и психиатра — все это обещало мне, аутичному ребенку, страдающему неконтролируемыми вспышками гнева, возможность многое узнать и многое освоить.

Обучение началось в первый же вечер.

Я стояла в общей очереди в столовой, ожидая звонка, приглашающего на ужин. Вокруг слышались

смех и оживленные голоса, но меня как будто никто не замечал. Вдруг девочка немного постарше меня влезла в очередь прямо передо мной.

— Эй, здесь я стою! — заговорила я, делая шаг вперед.

— Отвали! — ответила она и оттолкнула меня.

Не думая, что делаю, я развернулась и врезала ей со всей силы. Она завопила. Шум и смех мгновенно смолкли: в столовой воцарилась мертвая тишина. От толпы отделилась немолодая женщина и направилась ко мне. Мне хотелось бежать, спрятаться или завизжать во все горло.

— Ты — Темпл Грэндин, верно? — спросила она, подходя ко мне.

Я кивнула.

— Что ж, пойдем поговорим. — Она взяла меня под руку и повела к выходу. В обычной ситуации я бы вырвалась и отскочила. Но женщина была в шелковой блузке, и прикосновение шелка приятно ласкало мою руку, словно подтверждая, что собеседница не желает мне зла.

— Фибе, — обратилась она к девочке, влезшей без очереди, — пожалуйста, займи место за столиком для Темпл и для меня.

Она повела меня в укромный уголок столовой и усадила за столик.

— Меня зовут мисс Дауни. Темпл, расскажи мне, что случилось.

Я окаменела от изумления. До сих пор учителя довольствовались тем, что винили во всех стычках только меня, и редко кому приходило в голову интересоваться моим собственным взглядом на происшедшее. Не глядя на мисс Дауни, я рассказала, как Фибе пыталась пролезть без очереди.

— Это я видела, Темпл. Конечно, никому не нра-

вятся люди, которые не соблюдают очереди. Но, — тут мисс Дауни приподняла мою голову за подбородок, заставив меня посмотреть ей в лицо, — драка — не способ разрешения конфликтов.

Затем она объяснила, что я должна научиться ладить с людьми и сдерживать свой бурный темперамент.

— Школа «Горная страна» не терпит физического насилия ни в каком виде! Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Я не собираюсь никого бить, — пробормотала я, снова уставившись в пол.

— Хорошо. Тогда пойдем ужинать. А с Фибе я поговорю позже.

С того вечера, сколько мне помнится, Фибе никогда больше не лезла без очереди. Но я по-прежнему реагировала на любую обиду вспышкой гнева и, не раздумывая, бросалась на обидчика с кулаками.

В течение первого полугодия я дралась постоянно. Мисс Дауни была со мной терпелива и старалась меня урезонить. Но однажды, когда я, споткнувшись о шнур при игре в крокет, ударила засмеявшуюся надо мной одноклассницу, мисс Дауни на целую неделю лишила меня привилегии, ради которой я только и жила, — катания верхом. Целых семь дней я должна была сидеть в спальне, выходя оттуда лишь в классную комнату и в столовую! Ни увещания, ни угрозы не смогли укротить мой буйный нрав; но эта неделя многому меня научила. Я по-прежнему хулиганила во время скучных уроков, но никогда больше не пыталась решать спор кулаками.

Я стала спокойнее и научилась сдерживать злость, однако мое поведение стало более стереотипным. За прошедшие несколько лет мои нездоровые увлече-

ния — такие, как увлечение выборами, постоянные вопросы и бесконечная болтовня — пошли на убыль. Однако перемена обстановки плохо подействовала на мои нервы. Как большинство аутичных детей, я остро переживала неустойчивость окружающего мира: разлука с домом и родными, жизнь в новом, незнакомом месте стали для меня большим стрессом. Подобно другим аутичным людям, я хотела, чтобы все вокруг оставалось неизменным. Я даже одевалась всегда одинаково и носила изо дня в день одну и ту же куртку. Когда воспитательница захотела переселить меня в другую комнату, побольше и получше, я запаниковала и отказалась.

Только мое тело никак не хотело оставаться прежним: оно стремительно взрослело. Гормональные изменения, свойственные подростковому возрасту, еще больше расшатывали мои нервы. С появлением менструаций приступы беспокойства и тревоги усилились. В определенные моменты я чувствовала себя мельницей во время урагана. В голове проносились бессвязные фантазии, повышалась импульсивность поведения, мне становилось еще труднее ладить с соучениками. Учеба была мне неинтересна, и я перебивалась с «двойки» на «тройку» по всем предметам, кроме биологии.

Эти нервные приступы, сопровождавшиеся сердцебиением, сухостью во рту, мокрыми от пота ладонями и судорогами в ногах, выглядели как типичные приступы паники, однако, по-видимому, были связаны более со сверхчувствительностью, нежели с повышенной тревожностью. Возможно, именно поэтому ни валиум, ни либриум не приносили мне облегчения. Паника усиливалась в течение дня — хуже всего был для меня промежуток от двух до четырех часов пополудни. К девяти-десяти вечера

паника прекращалась.

Вспоминая этот период своей жизни, я вижу, что в появлении тревожных приступов наблюдалась определенная цикличность. Во время менструации тревога уменьшалась. А вот поздней осенью, когда дни становятся короче, мне делалось совсем худо. Исследования ученых подтвердили, что продолжительность дня влияет на развитие депрессии. У некоторых людей искусственное продление дня при помощи специальных ламп с полным спектром смягчает депрессию. Кроме того, нервные приступы были выражены слабее, когда я болела, — особенно при высокой температуре. (Родители аутичных детей часто рассказывают, что при лихорадке поведение ребенка улучшается.)

Различные стимулы, для большинства людей малозаметные и незначительные, вызывали у меня стрессовую реакцию «по полной программе». Стоило зазвонить телефону — у меня начинался приступ паники. Каждый раз, когда я проверяла почтовый ящик, сердце мое колотилось как сумасшедшее. Что, если писем нет? Что, если в письме я прочту какую-нибудь дурную новость? Игра в кегли по вечерам заставляла меня нервничать, а школьные походы приводили в настоящий ужас. Я боялась, что очередной приступ начнется на глазах у всех, и я не смогу сдержать его никаким усилием воли.

Что касается нервных приступов, интересно отметить, что некоторые стимулы, не существенные для ребенка, становятся значимыми только после полового созревания. Если говорить обо мне, то с семи до шестнадцати лет я страдала от повторяющихся обострений энтеробиоза. Меня мучил зуд, и родители были бессильны мне помочь, пока к началу полового созревания он не прошел сам собой. В

двенадцать-тринадцать лет зуд меня почти не беспокоил, но после полового созревания он начал вызывать у меня стрессовую реакцию со всеми ее физиологическими симптомами: сердцебиением, потливостью и чувством беспокойства. Обычный зуд, для большинства людей неприятный, но не более, заставлял меня дрожать так, словно за мной гнался крокодил. Недавние исследования показали, что секреция женских гормонов способна влиять на чувствительность нервной системы. Возможно, поэтому на зуд от остриц я начала так бурно реагировать с появлением менструаций.

Думаю, если бы в детстве я получала больше тактильной стимуляции, особенно давления, в подростковом возрасте мне не пришлось бы так страдать от сверхчувствительности.

Современные научные исследования позволяют предположить, что приступы паники связаны с недостаточной регуляцией норадренергической активности. Норадреналин — адреналиноподобное вещество, стимулирующее нервные импульсы и усиливающее активность мозга. Выработка норадреналина может быть как слишком низкой, так и слишком высокой. В статье, опубликованной в «Journal of autism and developmental disorders», Дж. Л. Янг с коллегами описывают следующие стадии развития сверхтревожности: «Непомерно сильная реакция на незначительные стимулы, нарушение различения и оценки стимулов, всплески тревоги, дезорганизация поведения, избегание стимулов (зачастую путем „ухода в себя“»).

У аутичных детей повышен также уровень норэпинефрина — вещества, отвечающего за передачу нервных импульсов.

Каковы бы ни были причины моей гиперстиму-

ляции и постоянного перевозбуждения, я, как свойственно аутичным людям, реагировала на это усилением стереотипного поведения. Приступы паники отравили мне взросление; я готова была на все, чтобы от них избавиться. Я колебалась между «взрывным», импульсивным поведением и попытками сбежать во внутренний мир, где меня не коснутся никакие внешние стимулы. Я пыталась даже отказаться от походов вместе с классом, потому что во время этих путешествий очень нервничала. Физическая активность — такая, как интенсивный физический труд или скачка галопом на лошади, — уменьшала напряжение, но ненадолго.

Большую часть времени я жила под постоянной угрозой приступов паники, не имея возможности ни справиться с ними, ни избежать их. Я оказалась в ловушке: физиологические симптомы, не зависящие от меня и не поддающиеся коррекции, угрожали всем моим прежним достижениям.

ГЛАВА 6

ДВЕРЬ

К шестнадцати годам я уже не чаяла освободиться от нервных приступов. Физиологические симптомы усиливались, казалось, с каждым днем.

Различные исследования, которые мне случалось читать с тех пор, описывают подобные приступы как «паническую тревогу», вызванную чрезмерной чувствительностью нервной системы к звуковым и тактильным стимуляторам. Интенсивная визуальная стимуляция меня не беспокоила. Деннис Чарни и его сотрудники из Йельского университета полагают, что такое состояние вызывается нарушением работы той системы мозга, которая в норме тормозит возбуждающие нервные импульсы.

Сейчас я понимаю, что такое сверхчувствительность и как она развивает в детях тактильно-защитное поведение. Но в то время, страдая от приступов, я чувствовала себя так, словно взбиралась по скользкому канату, висящему над бездной.

Случайно я открыла способ снизить на время силу приступов. Однажды летом мы отправились в

парк развлечений и катались там в числе прочих аттракционов на «Сюрпризе» — карусели, где люди стоят вдоль стен, пристегнутые ремнями безопасности. Карусель крутится все быстрее и быстрее — и в какой-то миг пол отделяется и падает вниз, но люди остаются прижатыми к стенкам центробежной силой.

Я наблюдала за одноклассниками, не решаясь испытать это ощущение сама. Лу сошел с карусели и подошел ко мне.

— Давай, Темпл! Это страшновато, зато здорово! — Он взглянул мне в лицо. — Боишься? Ну давай, не робей, а то я подумаю, что ты струсила!

Твердо решив не трусить, я купила билет и поднялась на аттракцион. Ноги у меня дрожали, а сердце билось где-то в горле, когда я занимала свое место. Заработал мотор, и от его рева по спине у меня побежали мурашки. «Сюрприз» набирал скорость — мотор ревел, словно разъяренный великан. Блеск солнца, синева летнего неба, белизна облаков — все смешалось в одну вертящуюся карусель. Запахи леденцов, воздушной кукурузы и хрустящих лепешек, до тех пор существовавшие по отдельности, слились в один незнакомый запах. Словно приклеившись к стенке, я ждала, когда опустится пол. Во рту было горько от страха; я старалась крепче прижаться к стене. Наконец раздался душераздирающий скрежет, и я увидела под ногами далекую землю — но, переполненная впечатлениями, не почувствовала ни тревоги, ни страха. Мне было хорошо и спокойно — я отдыхала.

Впервые за долгие-долгие месяцы мне стало легче. Снова и снова я покупала билет на аттракцион и испытывала все те же ощущения: сперва бешеный напор внешних стимулов — затем легкость, расслаб-

ление и спокойствие. (Новейшие исследования гиперактивных детей показали, что их возбуждение снижается при проводимых дважды в неделю сеансах стимуляции вестибулярной системы путем... вращения в специальном кресле.)

Через несколько недель после посещения парка приступы возобновились с новой силой. Сердце билось так, что я чувствовала его даже через свитер. Все тело покрывалось потом, словно в сауне. Руки дрожали, а в горле стоял плотный ком, не дающий сглотнуть. И тогда «Сюрприз» стал моим новым навязчивым увлечением. Аутистическая логика подсказывала только одно решение: мне нужен «Сюрприз»! Я не давала покоя директору, умоляя его поставить карусель у нас на территории. Я вернулась к герою своего детства, Альфреду Костелло, и писала сама себе безумные письма от его имени. Вот одно из таких писем:

*Прислушайся к моему письму. Я,
Тень, — твоя единственная надежда.
Судьба нашей школы зависит от тебя,
Голос Тени — ты, Темпл Грэндин.*

*Я — Тень. В последний раз я обращаюсь
к тебе с советом. Я хочу, чтобы вы по-
строили «Сюрприз», и, поверь, на то есть
причина. Послушай моего предупреждения
сейчас, пока еще не поздно. Без «Сюрприза»
наша школа обречена. Мной управляют
неведомые таинственные силы. Мне нужна
твоя помощь. Построй «Сюрприз». Это
единственное, что спасет школу от паде-
ния в небытие. Сейчас вы все на волоске
от страшной гибели.*

Но если школа падет в вечную бездну,

вы, ученики, не узнаете об этом, пока не попытаетесь покинуть ее пределы. Вы не сможете выйти за границу школьных владений. Силовое поле преградит вам путь. Вы окажетесь в этой тюрьме до конца своих дней. Я думаю о вас. Постройте «Сюрприз», пока не поздно. Я не знаю, почему «Сюрприз» должен остановить силы, толкающие вас — школу и учителей — к небытию. Поговори с директором, мистером Питерзом. Он скажет, что это глупости — но однажды, когда его машина врежется в невидимое силовое поле, ему откроется истина. Скорее, скорее, пока не поздно! Прислушайтесь к Голосу Тени. Я хочу спасти вас. Я знаю знаю знаю я умираю. Пожалуйста, поспеши, пока не поздно поздно поздно.

Тень — Альфред Костелло

Поспеши, пока не слишком поздно!

Следующее письмо было написано несколько дней спустя:

Привет тебе, Голос Тени!

Делаешь ли ты все возможное, чтобы предотвратить падение нашей школы в бездну небытия? Прислушайся к моему совету! Пока не поздно, вы должны построить «Сюрприз». Когда школа исчезнет, вы не поймете, что случилось, пока не попытаетесь выйти за границу школьных владений. Вы почувствуете силовое поле,

преграждающее вам путь. До конца своих дней вы останетесь пленниками в «Горной стране». Никогда не вернетесь в мир. Вы станете жертвами собственной глупости, если не прислушаетесь к совету высшего существа, пришедшего из-за временного барьера. Я знаю. Верьте мне. Установите «Сюрприз». Вам кажется, что это безумная идея, но Тень знает лучше. После этого письма я пошлю Голосу Тени, Темпл Грэндин, еще одно предупреждение. И оно будет последним.

Пожалуйста! Пока не поздно!

Тень — Альфред Костелло

Адрес Тени:

Лунная база — 2,
Галактика-2

Разумеется, даже в тогдашнем взвинченном состоянии я понимала, что Тень — Альфред Костелло есть лишь плод моего воображения, герой из детских историй, но паническая тревога побуждала меня к действиям. Сейчас, перечитывая эти письма, я с трудом верю, что когда-то писала их. Но это правда. Как и в детстве, мне было недостаточно просто придумать историю. Я должна была рассказать ее вслух, чтобы моя фантазия обрела реальность. Так случилось и с фиксацией на «Сюрпризе». Мне не довольно было просто думать о том, чтобы построить «Сюрприз» в школе, — я должна была хоть что-то сделать в этом направлении. Однажды я даже приклеила «следы Тени» к стене в спальне, чем вызвала немалый переполох.

Склонность к фиксациям стала моим вторым «я». Теперь, оглядываясь назад, я вижу, что вела себя, словно лабораторная крыса под действием амфетаминов. Исследования показывают, что крысы, которых брали на руки в детстве, после укола амфетамина ведут себя менее стереотипно, чем крысы, не знавшие ласки. Дальнейшие исследования позволили выяснить, что крысята, которых брали на руки, а затем возвращали к матери, вырастая, оказывались менее подвержены стереотипному поведению под действием амфетаминов, чем те, которых потом возвращали к выводку, растущему без матери. Однако мое поведение не было искусственно вызвано амфетаминовыми инъекциями; приступы же становились все чаще и сильнее. Реальный мир, не поддающийся контролю, начал пугать меня. Каждый день был все более непредсказуем. Я жаждала покоя, но мой организм не давал мне расслабиться. Моя речь, действия, отношения с окружающими — все несло на себе печать стресса.

Однажды в воскресенье я сидела на службе в церкви. Посещение церкви вменялось нам в обязанность, хотя на меня наводило невыносимую скуку. Когда священник начал проповедь, я, по обыкновению, ускользнула в свой внутренний мир — тихий, мирный, полный приглушенных тонов и пастельных красок. Вдруг громкий стук ворвался в мое уединение. Я удивленно подняла глаза — и увидела, что священник стучит кулаком по кафедре.

— Стучите, — воскликнул он, — и Он ответит вам!

«Кто?» — удивилась я, и выпрямилась, прислушиваясь к проповеди.

— «Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется...» (Иоан. 10, 9). — Священник сошел с кафедры

и встал прямо перед прихожанами. — Перед каждым из вас, — продолжал он, — дверь, открывающая путь на небеса. Откройте ее — и будете спасены! — Он снова поднялся на кафедру. — А теперь — гимн 306 «Благослови сей дом»...

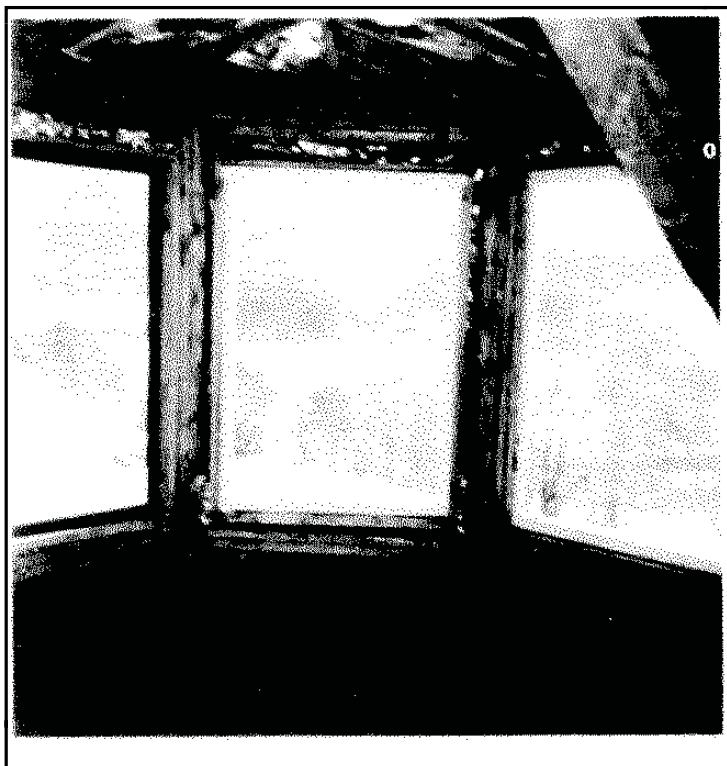
Номера гимна я уже не слышала. Как многие аутичные дети, я все понимала буквально. Мои мысли сосредоточились на одном: дверь! Дверь, открывающая путь на небеса. Достаточно войти в нее — и я спасена! Хор запел, и когда я различила слова: «Благослови дверь дома моего, для радости открывшую всегда...», я поняла, что должна найти эту дверь.

Следующие несколько дней я рассматривала любую дверь как открывающую путь к спасению. Дверь шкафа, дверь в ванную, входная дверь, дверь конюшни — все они были изучены и отвергнуты. Нет, это не те двери.

В один прекрасный день, возвращаясь в свою комнату после ужина, я увидела, что к нашему котеджу что-то пристроено. Рабочие уже закончили свое дело и ушли. Я обошла вокруг пристройки. К стене была прислонена лестница; я положила учебники на землю и полезла вверх. Добравшись до высоты пятого этажа, я увидела маленькую площадку и... *дверь!* Маленькую деревянную дверь, за которой меня ждала неизвестность.

Я вошла в небольшую смотровую комнату. Три окна во всю стену открывали вид на горы. Я стояла у окна и видела, как месяц поднимается из-за горных вершин навстречу звездам. Меня охватил восторг. Впервые за несколько месяцев я была уверена в настоящем и с надеждой смотрела в будущее, полное радости и любви. Я нашла дверь! Дверь на Небеса. Мои мысли устремились в одном направлении. Я нашла путь к спасению! Все, что мне

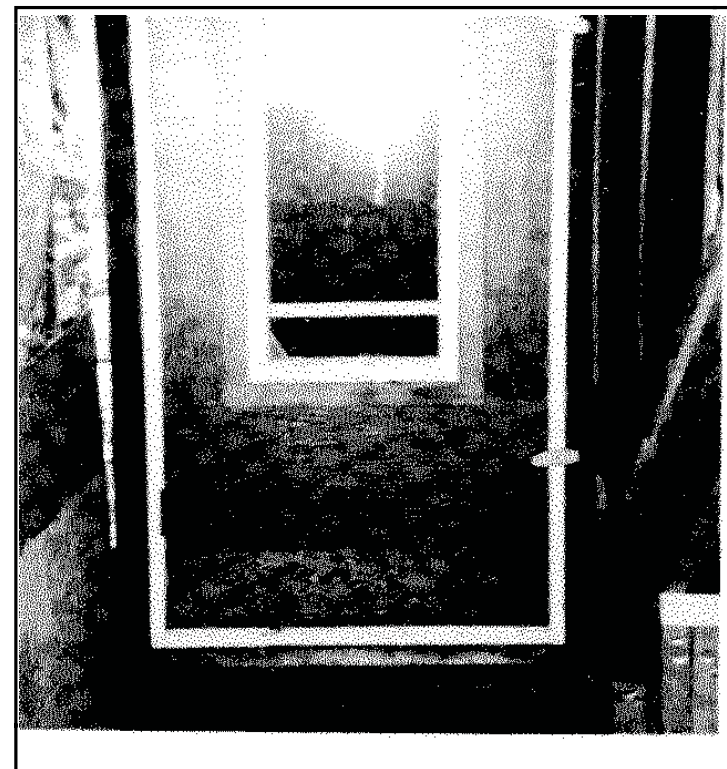
нужно, — открыть дверь и войти. Разумеется, в то время я еще не понимала, что дверь — это зримый символ; мысля картинами, я нуждалась в конкретных образах для усвоения абстрактных представлений.

Уже почти стемнело, когда я спустилась по лестнице на землю. Я была уже не той, что прежде. Теперь я понимала, что нашла ключ к своей судьбе. В тот вечер я записала в дневнике: *«Воронье Гнездо похоже на храм. Там мне открывается красота природы — но не только. Глядя в окна Вороньего Гнезда, я*

понимаю, что должна победить свои страхи и не позволять им становиться у меня на пути».

В последующие дни и месяцы я часто бывала в смотровой комнате, или Вороньем Гнезде, как часто называли ее плотники. Войдя в эту комнату, я успокаивалась и могла размышлять спокойно. В Вороньем Гнезде я лучше понимала себя и окружающих.

В тишине Вороньего Гнезда я вспоминала свое детство — страхи, конфликты, отчаянные попытки найти общий язык с окружающим миром. Сейчас, думалось мне, я более или менее научилась общать-

ся; но между мной и другими по-прежнему зияет пропасть непонимания. Может быть, это оттого, что у меня аутизм, а у моих родителей его нет? Они не понимают мою логику — а я, мысля наглядными образами, не понимаю их логику? Или, может быть, это обычное непонимание между детьми и родителями, через которое проходит каждый подросток? И можно ли перебросить через эту пропасть мост любви?

Снова и снова я поднималась в Воронье Гнездо. Мне казалось, что там я узнаю о себе что-то новое. Да так оно и было. В Вороньем Гнезде я впервые осознала, что мной управляют непостоянные увлечения — такие, как увлечение «Сюрпризом». Там я однажды поняла то, что мама пыталась объяснить мне все эти годы. Каждый человек должен найти *свою* дверь и *сам* ее открыть. И за меня никто этого не сделает. Маленькая деревянная дверь, открывающаяся на крышу — и в огромный мир, — стала для меня символом будущего. Все, что мне нужно, — войти.

Год спустя после обнаружения Вороньего Гнезда я снова стояла в той же комнате и смотрела в окно. Над головой, притягивая, маня к себе, сверкали мириады звезд. Я знала, что выходить на крышу нельзя; но ночь и неведомое властно влекли меня к себе. Я отодвинула засов, и дверь со скрипом открылась. Ветер ворвался в комнату, и его песня позвала меня наружу. Одно, бесконечно долгое, мгновение я стояла неподвижно — и наконец, распахнув дверь, шагнула на крышу. Дверь захлопнулась у меня за спиной. Я вышла в новую жизнь; теперь, чувствовала я, что бы ни случилось, обратного пути нет.

Предчувствия не обманули меня. В один прекрасный день я была поймана при попытке пробраться в Воронье Гнездо и отправлена к психиатру. Но я

пережила пробуждение души и ума, и никакой психиатр не смог бы отнять у меня вновь обретенные сокровища.

Прежде всего он, как водится у таких докторов, попытался завладеть моим вниманием и всецело подчинить меня себе (таким манером подобные люди и выколачивают из пациентов гонорары), но я не поддавалась.

— Темпл, ты же знаешь, что ходить в Воронье Гнездо нельзя. Это запрещено правилами, и, кроме того, это просто опасно! Разве не так?

— Для меня не так.

— Темпл, да что ты там ищешь, на крыше?

— Себя. Свою жизнь. Бога.

Психиатр расхохотался.

— Дорогая моя, ты ведешь себя, как вдова моряка, что каждый день ходит на пристань и ждет, когда на горизонте покажется корабль. Но этот корабль никогда не вернется! Обещай мне, что больше не полезешь на крышу.

Я не дала такого обещания и продолжала ходить в Воронье Гнездо. Теперь ко «мне, моей жизни и Богу» прибавился волнующий азарт «запретного плода». Я нарушала правила: поднималась по лестнице тайком, оглядываясь по сторонам, не смотрит ли кто?

Я так и не смогла избавиться от детской тяги к нарушению запретов. В Вороньем Гнезде я немало размышляла о правилах и авторитетах. Открывая деревянную дверь и поднимаясь на крышу, я выходила из-под власти школьного начальства. Сперва мне казалось, что, выходя за дверь, я избавляюсь от любой власти, любых правил и установлений; в мире остаются лишь я сама, моя жизнь, Бог и свобода выбора. Но потом я поняла, что и за дверью имеется

власть — власть над собой.

Хотя внутри меня было теперь больше спокойствия, чем раньше, школьные занятия по-прежнему доставляли мне одни огорчения. Оценки мои оставляли желать лучшего, и, что еще хуже, меня это совершенно не волновало. В школе было скучно, скучно, невыносимо скучно, пока... пока в мою жизнь не вошел мистер Брукс, учитель психологии. Он рассказывал о поведении животных. Я всегда любила животных и была в восторге от рассказов мистера Брукса. На одном из занятий он показал нам фильм об оптических обманах — таких, как Трапезиевидное Окно и Комната Иллюзий. Он объяснил, что Комната Иллюзий устроена таким образом, что обманывает глаз. Если в концах комнаты поставить двух человек одного роста, то один из них будет казаться вдвое выше другого.

— А ты сможешь сделать такую комнату? — спросил меня мистер Брукс. — Нет, я не буду тебе ничего объяснять. Посмотрим, догадаешься ли ты сама?

Загадка Комнаты Иллюзий стала моим новым увлечением. Полгода я пыталась склеить ее модель из картона. По крайней мере моя склонность к фиксациям направилась в конструктивное русло, и во мне пробудился интерес к науке. В поисках решения этой задачи я обратилась к скучному школьному материалу в надежде найти там что-нибудь, что меня заинтересует.

Однако у меня всегда оставалось время для катания на лыжах, верховой езды и участия в скачках. Я с увлечением шила костюмы для школьных спектаклей и помогала рабочим на строительстве нового школьного здания. Особенно мне удавались кровельные работы: я клала черепицу в самых сложных местах — вокруг чердачных окон — и очень горди-

лась своим умением.

Я по-прежнему была непохожа на окружающих. Соученики дразнили меня, обзывали «скелетом», «лошадярой» и «повторюшкой». Было очень обидно.

Общение с окружающими оставалось для меня проблемой. Часто я выглядела грубой и резкой. Я прекрасно знала, что хочу сказать, но мои слова почему-то не соответствовали мыслям. Теперь я понимаю, что главной моей проблемой было неумение подстраиваться под ритм чужой речи, из-за чего мои слова звучали грубее, чем нужно. Однако я умела выражать свои мысли в письменной форме и часто после посещений Вороньего Гнезда заносила их в дневник.

Маленькая деревянная дверца стала для меня важным символом и во многом определила мою жизнь. Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что она означала взросление. Приближалось окончание школы. За выпускным вечером, как и за дверью, лежал огромный неведомый мир. И ярлык аутичности не отменял для меня вопроса, встающего перед каждым подростком: есть ли жизнь после школы?

«ВОЛШЕБНАЯ» МАШИНА

За предыдущей дверью меня ждали несколько заботливых и понимающих людей. Если бы не они, я скорее всего оказалась бы в школе для детей с задержкой развития. Мне вспоминаются слова отца: «Что ж, Темпл поставила рекорд: ухитрилась провалиться почти по всем предметам. Что делать? Может быть, ей действительно будет лучше во вспомогательной школе?» Но мама, да будет она благословенна, встала на мою защиту. А потом мистер Брукс, учитель психологии, задал мне загадку Комнаты Иллюзий — и я заинтересовалась школьными предметами, по крайней мере, настолько, насколько нужно было для разрешения этой задачи.

Подлинным спасителем стал для меня другой учитель, мистер Карлок. Его интересовали не ярлыки, а скрытые способности учеников. Даже директор сомневался, смогу ли я окончить старшую школу. Но мистер Карлок верил, что в каждом человеке заложено стремление к совершенству. Он направлял мои навязчивые увлечения в конструктивное русло.

Он не пытался вытащить меня в свой мир, а вместо этого сам входил в мой.

Он, кажется, понимал, что мне прежде всего необходимо понимание и признание. Он принимал меня такой, как я есть, и я глубоко доверяла ему. Объясняя мне символический смысл Комнаты Иллюзий, он сказал: «Темпл, вещи не всегда таковы, какими кажутся». Эти слова привели меня в ярость: следуя аутистической логике, я видела весь мир в черно-белых красках и не признавала никакой неясности. Каким я вижу предмет, таков он и есть. Я не признавала компромиссов. Хотя я активно участвовала в общественной жизни школы, но моя резкость часто обижала соучеников. Мистер Карлок не читал мне нравоучений; своим собственным поведением он ненавязчиво помог мне понять, что я постоянно завижусь окружающим и стремлюсь их превзойти. Он научил меня широкому взгляду на мир и терпимости, которой мне, из-за моего аутизма, не доставало.

Заметив, что мое символическое мышление ориентировано на философские категории, мистер Карлок начал давать мне философские книги. Однажды он сообщил:

— Темпл, ты стала лучше говорить! У тебя уже не такой монотонный голос.

Не монотонный? Я размышляла об этом несколько дней и наконец поняла, что стала более восприимчива к другим людям — поэтому изменился и голос. Мне больше нет нужды защищаться от мира сухой невыразительной интонацией.

Много лет спустя, узнав, что моя речь все еще отличается от речи обычного человека, я была потрясена. Я не замечала в своем голосе ни спотыкающихся интонаций, ни бесцветности. Возможно, моим родителям следовало бы обратить внимание не

столько на психотерапию, сколько на речевую терапию. Быть может, работа с магнитофоном больше, чем копание в глубоких тайнах подсознания, помогла бы мне найти свое место в жизни. Если бы хоть один психолог оставил в покое проблемы моего бессознательного и вместо этого занялся речью! А ведь я иногда замечала, что людям неприятно со мной разговаривать, но не понимала почему.

Мистер Карлок стал для меня учителем, другом, человеком, которому я доверяла свои секреты. Однажды одноклассница сказала мне: «Ты не привлекаешь мальчиков, Темпл. В тебе нет сексапильности». Я, рыдая, повторила эту фразу мистеру Карлоку.

Он не стал надо мной смеяться, не заявил, что все это чепуха. Вместо этого он сказал:

— Темпл, ты яркий, одаренный человек, а это гораздо важнее простой «сексапильности». Когда ты вырастешь, то будешь привлекать окружающих не только физически, но и интеллектуально.

Так мистер Карлок вернул мне уверенность в себе. Благодаря ему, другим учителям, влюбленным в свое дело, а особенно маме, безгранично верившей в меня, я начала учиться. Успехи мои оставались весьма скромными, но впервые в жизни я действительно хотела учиться. И мистер Карлок поддерживал меня, живо откликаясь на каждый мой успех.

Каннер провел исследование 96 аутичных детей. Он обнаружил, что 11 из них, добившиеся успеха во взрослой жизни, в подростковом возрасте пережили внешне не мотивированное изменение в поведении. «В отличие от большинства аутичных детей, — пишет Каннер, — они смогли трезво отнестись к своим особенностям и начать сознательную работу над своими недостатками».

Мистер Карлок почувствовал, что я готова к переменам и саморазвитию, и своей заботой и вниманием помог мне двинуться вперед.

В первый год обучения в старшей школе я отправилась на лето в Аризону, на ранчо к тете Энн. Она тоже очень мне помогла.

Сперва, когда мама предложила провести каникулы у тети, я не хотела ехать. Помимо всего прочего, до сих пор я покидала школу только несколько раз, уезжая домой на выходные. Такова была стандартная практика «Горной страны». Мистер Питерз, директор школы, понимал, что постоянная, неизменная обстановка не только благотворна, но и необходима для его учеников. Поездка на ранчо заставит меня приспособливаться к совершенно новым условиям, не говоря уж о путешествии через всю страну, встречах с новыми людьми, новыми местами, незнакомыми ситуациями... Все это могло вызвать у меня новые нервные приступы.

Со своими приступами я могла справляться двумя способами: либо уходить во внутренний мир и стараться минимизировать любые внешние стимулы, либо «вышибать клин клином» — бросаться в поток ошеломляющих впечатлений. Я помнила, как успокоила меня и помогла расслабиться гиперстимуляция на «Сюрпризе», в парке отдыха. Мощный наплыв тактильных и вестибулярных стимулов преодолел мое стремление избегать любых раздражений. Сопrotивляться этому я не могла. Затем некоторое время я чувствовала себя спокойно — но очень недолго. На ранчо не было «Сюрприза», зато там были лошади, на которых можно скакать до изнеможения, и тяжелый физический труд.

На ранчо я надоедала всем разговорами о Комнате Иллюзий. Снова и снова рассказывала я тете

Энн, как хитро у нее устроены углы, как я боролась с этой загадкой и как наконец мистер Брукс дал мне книгу по психологии с подробным, все объясняющим чертежом. Хотя мои картонные модели и не позволили достичь окончательного результата, с каждым разом я подходила к разгадке все ближе и ближе. Получив чертеж, я изучила его и сделала миниатюрную модель Комнаты Иллюзий из фанеры.

Я эмоционально «застряла» на своих поисках и успехе и повторяла эту историю снова и снова. Тетя Энн была добра и терпелива: она меня слушала, хотя, должно быть, ее немало утомляло это бесконечное повторение одного и того же.

Как и мистер Брукс, она старалась направить мои навязчивые идеи на что-то конструктивное. По ее просьбе я починила изгородь, перекрыла крышу насосной будки; наконец, не раз помогала ей заводить быков и коров в станок для скота — приспособление, которое удерживает животных во время клеймения, вакцинации или кастрации.

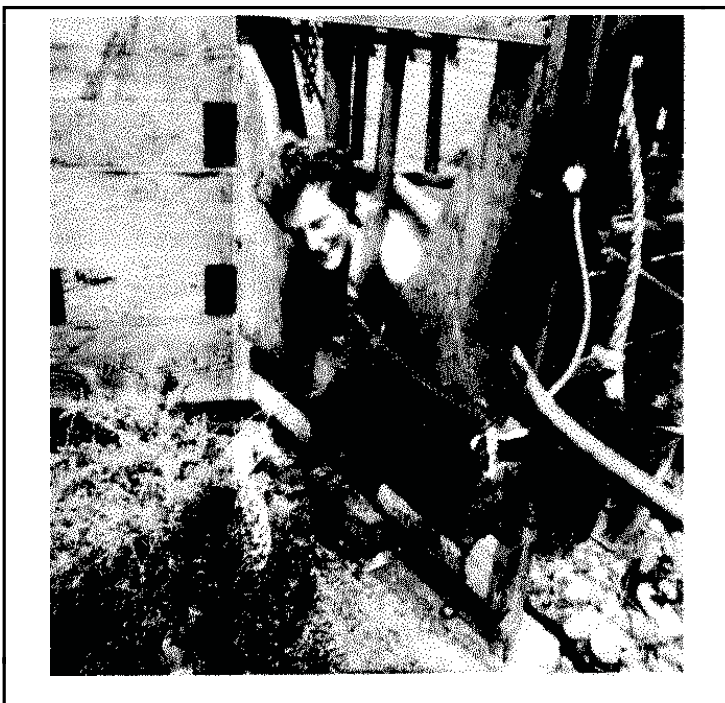
Физический труд успокаивал мои нервы и смягчал приступы. Но самое неизгладимое впечатление произвела на меня работа со станком для скота. Корову или быка заводили в это устройство так, что наружу высовывалась одна голова — словно у средневекового преступника, выставленного на публичное поругание. У станка были стальные и деревянные боковые панели, соединенные внизу в форме буквы V. Когда животное оказывалось внутри, а его голова — в отверстии снаружи, человек тянул за веревку, и панели начинали сдвигаться, пока наконец корова не оказывалась прочно зажатой между ними. Теперь она не могла ни сопротивляться, ни выскочить наружу. На моих глазах взволнованных, отчаянно мычащих коров одну за другой заводили в

станок — и через несколько минут давления перепуганные животные успокаивались. Почему? Может быть, не грубое, но достаточно сильное давление успокаивало перевозбужденные коровьи нервы? А если так, быть может, такое же давление поможет и мне?

Часами я наблюдала, как испуганные и взвинченные до предела животные, почувствовав давление деревянных стенок станка, прекращали мычать и биться. Наконец я попросила тетю Энн позволить испытать станок для скота на себе. Отрегулировав высоту отверстия для головы так, чтобы оно соответствовало моему росту, я встала на четвереньки и забралась в станок. Энн потянула за веревку, сдвигающую панели, и вскоре я ощутила сильное давление стенок. Обычно я избегала подобных ощущений — начиная с далекого детства, когда выскальзывала из объятий доброй толстой, приторно пахнущей тетушки. Но выскользнуть из станка было невозможно. Я не могла избавиться от давления — оставалось толь-

ко прекратить сопротивление и отдаться своим чувствам. Эффект оказался одновременно стимулирующим и расслабляющим. Но главное — что всегда очень важно в отношении аутизма и чего я не могла добиться в случае с тетушкой, — мои ощущения были под контролем! Я могла отдавать тете Энн указания, и она усиливала или ослабляла натяжение веревки. Так я обнаружила, что станок действительно может мне помочь, и, как того следовало ожидать, со всем пылом отдалась этому новому увлечению.

По окончании каникул тетя Энн написала маме:

*...Как ты знаешь, я ожидала прибытия
Темпл на ранчо со смешанными чувствами*

радости и тревоги. Ты рассказывала мне, что она то и дело «западает» на какую-то идею и в такие моменты не способна говорить ни о чем другом. Слышала я и о том, что на чрезмерно строгие запреты она отвечает бурными вспышками гнева. Последнего мне видеть не пришлось — ведь я не вижу смысла ни в каких запретах, кроме тех, которые диктует нам рассудок и здравый смысл. Ты говорила, что Темпл большая мастерица — вот это точно! Мне поистине с ней повезло: у меня-то, как ты знаешь, вечно все из рук валится, и ранчо за последние годы пришло просто в плачевное состояние из-за недостатка умелых рук. А Темпл работает охотно и с радостью. По ее просьбе я купила кожу и набор серебряных бусинок; Темпл сделала для лошадей сбрую, украшенную серебром. Наши ребята хотели увидеть «настоящее родео» — Темпл бесстрашно взяла на себя роль судьи и распорядителя и отлично с этой ролью справилась. Мы отчаянно нуждались в воротах, таких, которые можно было бы открывать, не выходя из машины; Темпл сконструировала модель из спичек и ниток, затем промерила высоту и ширину, рассчитала вес и построила ворота, открывающиеся из машины с помощью веревки. Если потянуть за веревку, они открываются, держатся открытыми некоторое время, а затем под действием собственной тяжести захлопываются снова.

Чтобы не захвалить совсем твою дочку,

скажу, что в одном ты была права: ее действительно невозможно отвлечь от любимой темы. Темпл мыслит символами: найдя символ, на который можно, так сказать, перенести вес своих тревог и сомнений, она говорит уже только об этом. Историю о двери, ведущей на путь новых достижений и открытий, я слышала столько раз, что уже, наверно, выучила наизусть. Несколько раз я пыталась прервать Темпл посреди рассказа. Она безропотно меня выслушивала, а затем продолжала ровно с того места, на котором остановилась. Конечно, слушать ее довольно утомительно; но, право, в остальном Темпл была так умна, понятлива и всегда готова помочь, что ради этого стоило порой потерпеть скуку.

Станок для скота, о котором ты уже, несомненно, слышала, стал для нее символом, примиряющим два противоположных стремления: желание подчиниться тактильному воздействию и наслаждаться им и, в то же время, нежелание принимать такое воздействие от окружающих — даже от тебя, родной матери, а тем более от «толстой тетушки». Я не сразу поняла, почему Темпл так увлеклась этим станком. Скажу честно, мне пришлось пережить немало неприятных минут, когда Темпл забиралась в эту штуку, явно наслаждаясь своими ощущениями, а я стояла рядом и мучительно соображала, что же сказать, если здесь появится кто-нибудь из работников и спросит, чем это мы

занимаемся. Но, даже не понимая, что означает для Темпл станок, я видела, что этот символ очень важен для нее и помогает ей найти решение своих проблем. Именно поэтому я — за станок. Если Темпл соорудит такое же устройство для себя — прекрасно. Я не вижу в этом ничего болезненного; это просто один из способов, которыми ее необычный мозг решает свои необычные проблемы.

Я верю в ум и способности Темпл — их нужно просто направить на конструктивный путь — и горжусь тем, что в ее продвижении есть, возможно, и моя небольшая заслуга. Придет день, когда я смогу гордо сказать: «А ведь я знала ее еще ребенком!..»

*С любовью,
Энн Бречин*

В школу той осенью я вернулась с новым навязчивым увлечением. Мистер Карлок направил его в конструктивное русло. По его совету я сколотила из фанеры первый собственный станок.

Мои труды вызвали озабоченность у школьного психолога. Разговор со мной он начал так:

— Ну, Темпл, я еще не решил, что для тебя символизирует это фанерное чудовище — материнское чрево или гроб...

— Ни то, ни другое, — ответила я.

Он поерзал в кресле, затем наклонился ко мне, словно хотел поделиться каким-то секретом.

— Темпл, у нас нет проблем с самоидентификацией, а? Мы ведь не считаем себя коровой или кем-

то подобным?

— А вы не считаете себя сумасшедшим или кем-то подобным? Разумеется, я не считаю себя коровой! А вы?

К концу разговора у психолога совсем опустились руки.

— Ты ведешь себя странно, Темпл, очень странно, — заявил он. — Персонал «Горной страны» старается проявлять к тебе терпение и понимание. Но эта фанерная коробка переходит все границы! У меня нет выбора: я обязан поставить твою мать в известность о твоём поведении и сообщить ей, что я думаю по этому поводу.

Психиатры также сочли мое увлечение странным, болезненным и недопустимым. В конце концов они попытались отобрать у меня станок — что, естественно, только усилило мои нервные приступы. Объединенными усилиями персонал убедил и маму, что использование станка приносит мне вред. Станок стал для нас предметом постоянных споров; тогда-то я твердо решила доказать, что это приспособление способно оказывать расслабляющее действие не только на меня. Что оно — не фантом моего больного воображения, что это действительно полезная штука, которая может помочь и другим. В первый раз в жизни (если не считать истории с Комнатой Иллюзий) я почувствовала, что должна учиться — учиться ради достижения какой-то реальной цели. Я должна выяснить: *почему* станок успокаивает испуганных коров и помогает мне снять нервное возбуждение?

Часто, сидя в Вороньем Гнезде, я задавала себе этот вопрос, связывая его со всей своей судьбой. Что бы ни готовило для меня будущее, я знала, что мне предстоит пройти через маленькую деревянную

дверцу — символ спасения, радости и любви. Дверь. Дверь. Моя дверь. Что встретит меня за дверью, зависит только от меня самой. Мне нужно поверить в себя — тогда и другие в меня поверят.

Однако меня одолевало немало тревог, и многие из них касались секса. Я пыталась не обращать внимания на подобные проблемы, делать вид, что их не существует, но это не очень-то удавалось.

Находясь в станке, я много раз испытывала приятные, незнакомые ранее ощущения — это наводило меня на размышления о любви. Ребенком я мечтала об уютной норке в три фута длиной и три высотой. Мой станок, наконец построенный, стал воплощением этой норки из детской мечты. Порой я боя-

лась, что станок обретет надо мной власть, что я уже не смогу без него жить. Но затем поняла, что это всего лишь устройство, сколоченное из обрезков фанеры. Дело не в нем, а в моих мыслях и чувствах. Те же чувства я могу испытать и без станка. Мысли рождаются не в станке, а в моем мозгу.

Станок позволял мне почувствовать себя ближе к родным и друзьям — маме, мистеру Питерзу, мистеру Бруксу, мистеру Карлоку и тете Энн. Разумеется, станок — всего лишь механическое устройство, однако он помог мне преодолеть барьер тактильно-защитного поведения. Благодаря ему я ощутила любовь и заботу этих людей и научилась выражать свои чувства к самой себе и окружающим. Как будто отворилась дверь, за которой все эти долгие годы скрывались мои эмоции!

Первый построенный мною станок был в точности скопирован с устройства, виденного летом на ранчо. Чтобы запереться в нем, а затем выбраться наружу, мне требовалась помощь со стороны. Понятно, что в школе это было не слишком удобно. И тогда я решила построить модель, с которой можно было бы управляться в одиночку. Станок не только помогал мне выражать свои чувства; я не позволяла себе залезать в станок, пока не сделаны все домашние задания, — таким образом, он выступал в роли награды.

Наконец настал день, когда передо мной открылась первая из многочисленных дверей. Последний школьный день! Мне выпала честь произнести речь — одну из речей на торжественном собрании по случаю окончания школы.

Речь на выпускном торжестве 12 июня 1966 г.

В жизни каждого человека наступает время, когда он прощается с детством и открывает дверь, ведущую к самостоятельной жизни. Три года назад я впервые серьезно задумалась о себе и своем будущем. На пятом этаже нашего нового главного здания есть смотровая комната, называемая Вороньим Гнездом: из ее окон открывается вид на окрестности. Однажды, возвращаясь после ужина к себе в комнату, я заметила прислоненную к стене лестницу и, взобравшись по ней, попала в смотровую. Сквозь заделенное окно я смотрела в снежную, ветреную ночь и понимала, что наконец нашла место, где смогу остаться наедине со своими мыслями и в мире с самой собой. Там я начала думать о своем будущем — о том, что будет со мной после окончания школы. Деревянная дверца, ведущая на крышу, оказалась для меня символом шага в будущее. На крыше, думалось мне, нет ни начальников, ни надзирателей — там я сама отвечаю за себя.

Чтобы открыть свою дверь, человек должен обрести зрелость, т. е. научиться отвечать за себя и принимать вызовы, которые бросает ему окружающий мир. Он должен верить в себя и в других. В жизни много ситуаций, когда без доверия к окружающим не обойдешься. Не

стоит жить в страхе, постоянно опасаясь какого-то подвоха с чужой стороны. Вера всегда побеждает страх.

Этим летом я работала на ранчо у тети в Аризоне и встретила лицом к лицу с природой. Я чувствую, что именно тогда и прошла через свою дверь. На ранчо я была в собственной лишь власти. А через дверь я прошла так. Я попросила тетю, чтобы она помогла мне забраться в станок для скота, где я стану совершенно беспомощна и никак не смогу оттуда выбраться. Мне надо было поверить в нее, поверить, что она — мой друг, что она не уйдет и не оставит меня в станке. Я шла к станку по узкой тропинке, и мне все сильнее хотелось повернуться и убежать, пока его стальные стенки не сдавили меня. Но я должна была спокойно двигаться вперед, не кричать и не пытаться вырваться, даже когда вокруг моей шеи сомкнется металлическое ярмо. Я знала, что стою на пороге своей двери и повернуться и убежать будет теперь трусостью.

Я шагнула внутрь. Стенки станка сомкнулись, и меня охватило паническое желание вырваться наружу. Однако я подавила страх и не стала кричать или стучать в стенки. Когда я пришла в себя и смогла спокойно попросить, чтобы меня выпустили, тетя Энн потянула за веревку — и я оказалась на свободе. Еще до этого я поняла, что если человек хочет получить нечто действительно

стоящее, что бы это ни было, он должен приложить усилие, и оно окупится сторицей.

Кроме того, пройти через ту дверь означало для меня взяться за работу и начать хорошо учиться. Перешагнув тот порог, я смогла двинуться к успешному окончанию школы. Обучение в школе — словно путь вверх по лестнице, ведущей к двери на небеса. Каждая хорошая оценка — еще одна ступень на пути к вершине. Можно сказать, что я поднималась по лестнице, ведущей на пятый этаж. Я стояла внизу и не понимала, как же доберусь до самого верха. Затем — начала подниматься, медленно, шаг за шагом преодолевая ступени, пока наконец не прошла свой путь до конца. Я стояла на пороге перед закрытой дверью — и знала, что смогу сделать это. Я смогу окончить школу и вступить в новую жизнь.

Сегодня я стою на верхней ступеньке лестницы: передо мной новая дверь, которая ведет в будущее. Теперь более, чем когда-либо, я чувствую, что не смогла бы одолеть этот подъем, если бы доброта и любовь мистера и миссис Питерз не поддерживали меня на подобном пути. Я знаю, что всегда буду благодарна им и не забуду о них, начиная следующий подъем. Переступая свой символический порог, я вспоминаю слова из прекрасной песни группы «Карусель»: «На своем пути ты никогда не будешь

один!»

Сейчас больше, чем когда-либо, я понимаю, что здесь, в школе «Горная страна», никогда не была одна. Я благодарю не только учителей и персонал школы, но и всех моих родных и друзей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Напутствие читателю	6
Предисловие	10
Введение	13
Глава 1. Детские воспоминания	19
Глава 2. Школа: младшие классы	32
Глава 3. Новые заботы	52
Глава 4. Средняя школа — лучше не вспоминать!	71
Глава 5. Школа-интернат	80
Глава 6. Дверь	91
Глава 7. «Волшебная» машина	104
Глава 8. Переступить порог	121
Глава 9. Высшая школа и стеклянная дверь	141
Глава 10. За стеклянной дверью	149

Глава 11. Работа — успех — выживание	164
--	-----

Глава 12. Аутизм и реальный мир	176
---	-----

Приложение 1. Диагностический лист ребенка с нарушениями поведения (Форма Е-2)	184
---	-----

Приложение 2 (техническое). Пресс-машина	212
--	-----

Дополнение к русскому изданию. «Чудесная» дверь и «волшебная» машина. Дименштейн Р. П., Захарова И. Ю., Липес Ю. В.	215
---	-----